

На правах рукописи

Гран

ГРАНОВА Мария Андреевна

**РУССКАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ПЕРМСКОГО КРАЯ
В СЕМАНТИЧЕСКОМ, ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ
И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Пермь 2022

Работа выполнена на кафедре теоретического и прикладного языкознания ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный руководитель: **Русинова Ирина Ивановна**,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Официальные оппоненты: **Плотникова Анна Михайловна**,
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»;

Пантелеева Лилия Михайловна,
кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник сектора исторических исследований Пермского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”».

Ведущая организация: ФГБУН «Институт лингвистических исследований Российской академии наук».

Защита диссертации состоится «26» мая 2022 г. в __: __ на заседании диссертационного совета Д 212.189.11 в ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Электронная версия текста диссертации доступна на сайте ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»: <http://www.psu.ru>.
Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ: <http://vak.ed.gov.ru/vak> и на сайте ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»: <http://www.psu.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2022 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

С.В. Шустова

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена многоаспектному анализу русской мифологической лексики Пермского края. Мифологическая лексика составляет значимый пласт словарного состава языка, является элементом вербального кода традиционной культуры и отражает характерные для аграрного, доиндустриального общества архаические представления о мире, основанные на вере в языческих богов, духов, демонов и другие сверхъестественные явления. Эти древние верования в трансформированном, а иногда и в изначальном виде сохраняются в сознании современного человека, особенно жителя сельской местности. Анализ мифологической лексики позволяет реконструировать эти верования, именно поэтому исследователи проявляют интерес к изучению данного лексического пласта.

Степень научной разработанности темы исследования. В современной науке мифологическая лексика рассматривается во многих аспектах: *лингвокультурологическом* (в качестве имен ключевых для носителей языка понятий (О.В. Абыякая, И.В. Кирилова, Н.И. Коновалова)), *лингвопрагматическом* (как средство построения индивидуально-авторской картины мира в художественном произведении (Д.К. Новикова)), *этнолингвистическом* (как один из кодов, позволяющих реконструировать различные области славянской традиционной культуры (Т.А. Агапкина, О.В. Белова, Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая, Е.Е. Левкиевская, А.В. Гура, А.Ф. Журавлев, В.В. Усачева)); *лингвогеографическом* (что предполагает картографирование этих единиц и отраженных в них мифологических представлений (Н.С. Ивашинина, Е.Е. Левкиевская, С.М. Толстая)); *лексикологическом* (что включает исследования мифологической лексики как тематической группы (О.А. Черепанова), а также рассмотрение отдельных подгрупп этой лексики, в частности, в аспекте процессов мотивации (И.Б. Качинская, И.И. Русинова), взаимодействия лексических составов соседних языков (И.А. Подюков), изучения собственных имен мифологических персонажей, а также «мифологических» топонимов (И.А. Подюков, Е.Н. Свалова, Е.Л. Березович, А.А. Макарова, И.И. Муллонен, М.В. Боброва, И.И. Русинова, Л.Н. Виноградова, А.Б. Мороз, Л. Раденкович)), *лексикографическом* (что предполагает составление словарей мифологической лексики (О.В. Абыякая, Е.Е. Левкиевская, С.М. Толстая, Е.Ю. Балова, М.Н. Власова, Т.А. Новичкова, С.Е. Никитина, А.Т. Хроленко)).

Актуальность настоящего исследования определяется тремя факторами. Во-первых, написание обобщающих работ по мифологической лексике русского языка невозможно без серии региональных исследований этих лексических единиц. Во-вторых, необходима систематизация и научная интерпретация накопленного лексического и текстового материала, отражающего русскую мифологическую традицию Пермского края, в частности ее фрагмент, связанный с духами локусов. Этот материал собирался учеными и студентами пермских вузов в различных районах региона с восьмидесятых годов прошлого века, и к настоящему моменту, например, в архивах ПГНИУ содержится огромный его объем. Часть этих текстов опубликована в фольклорно-этнографических сборниках, посвященных традиционной народной духовной культуре разных районов края. Другая часть материалов не введена в научный оборот и остается недоступной широкой аудитории. В-третьих, в настоящее время нет специальных словарей, посвященных этим номинациям, удобных для

представителей информационного общества XXI в. Большинство существующих словарей мифологической лексики являются печатными и не могут удовлетворить запросы современных пользователей, т.к. имеют ограничение по объему данных, не позволяют производить быстрый поиск информации; дополнение и корректировка данных таких словарей невозможна без их переиздания, поэтому такие словари «не успевают» за изменениями в языке и в мифологической традиции. Указанных недостатков лишен электронный словарь, однако из отечественных оригинальных компьютерных продуктов, специально посвященных мифологической лексике, можно указать лишь базу данных «Славянские мифологические персонажи», которая недоступна широкому пользователю. Таким образом, актуальной остается задача создания электронных словарей мифологической лексики, в том числе отдельных регионов России.

Под *мифологической лексикой* в настоящей работе понимается тематический пласт лексических единиц языка, отражающих архаические мифологические представления носителей традиционной культуры какого-либо народа, который включает: 1) номинации мифологических персонажей (*домовой, грифон, дракон, чёрт, ведьма*), 2) обозначения их действий (*блзнить, колдовать*).

Объектом исследования являются номинации духов-«хозяев» локусов, функционирующие в русских говорах и мифологических текстах Пермского края. Отметим, что в настоящей работе рассмотрены названия лишь четырех персонажей – двух духов освоенного человеком пространства (домового и банника) и двух духов природного пространства (лешего и русалки).

Предметом исследования выступают семантико-структурные особенности этих единиц, ареальное распределение таких номинаций, а также принципы их представления в электронном словаре.

Цель настоящей работы заключается в многоаспектном рассмотрении номинаций духов-«хозяев» локусов, функционирующих в русских говорах и мифологических текстах Пермского края, а также в разработке концепции электронного словаря таких названий и ее практической реализации. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) рассмотреть содержание терминов и понятий, значимых для работы (мифологическая лексика, мифологический текст, электронный словарь); изучить принципы подачи славянской мифологической лексики в печатных и электронных словарях и базах данных;

2) собрать материал для исследования, т.е. извлечь из архивных источников, фольклорно-этнографических сборников, диалектных словарей Пермского края единицы исследования: мифологические тексты об изучаемых персонажах и номинации описываемых духов;

3) рассмотреть семантико-мотивационные и структурные особенности нарицательных и собственных имен персонажей, выявить мотивационные модели для нарицательных имен духов локусов; на основе полученных данных описать отраженные в исследуемых названиях мифологические представления о персонажах, характерные для носителей традиционной культуры Пермского края;

4) выявить номинации духов локусов, образующие в русских говорах и мифологических текстах региона обширные словообразовательные гнезда,

проанализировать состав этих гнезд для каждого персонажа и описать закономерности ареального распределения единиц каждой группы по территории Пермского края; рассмотреть их связи с подобными номинациями, функционирующими в других регионах России;

5) разработать концепцию электронного словаря номинаций духов локусов, составить по данным Пермского края фрагмент такого словаря, посвященный номинациям домового, банника, лешего и русалки.

Материалом для настоящего исследования стали мифологические тексты о домовом, баннике, лешем и русалке. Указанные тексты (или их фрагменты) были отобраны нами из следующих источников:

1) записей диалектной речи, собранных учеными и студентами ПГНИУ (в том числе и автором настоящей работы¹) в 1980–2010-х гг. в ходе диалектологических и фольклорных экспедиций в различные районы Пермского края и находящихся в фольклорном архиве лаборатории теоретической и прикладной фольклористики (рук. доц. С.Ю. Королёва) при кафедре русской литературы и в диалектологическом архиве лаборатории лексикологии и лексикографии (рук. доц. И.И. Русинова) при кафедре теоретического и прикладного языкознания;

2) фольклорно-этнографических сборников, посвященных традициям различных районов Пермского края;

3) диалектных словарей Пермского края («Словаря пермских говоров», «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимского словаря)», «Словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа», «Словаря русских говоров Южного Прикамья», «Словаря русских говоров севера Пермского края», «Фразеологического словаря пермских говоров»);

4) материалов, собранных докторантами и аспирантами Института высших гуманитарных исследований РГГУ в 2002 г. во время фольклорной экспедиции в Пермскую область, и материалов, собранных сотрудниками Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ в сентябре 2002 г. в пос. Северный Коммунар Сивинского района Пермской области, размещенных в открытом доступе на сайте «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика».

Степень достоверности результатов настоящей работы определяется, во-первых, достаточным объемом проанализированного материала. Исследование проведено на материале 2000 мифологических текстов (и их отрывков), из которых отобрано 287 номинаций духов-«хозяев» локусов; всего проанализировано 2460 словоупотреблений. Во-вторых, достоверность результатов обеспечивается применением комплекса методов и методик, соответствующих цели настоящего исследования.

Общий методологический принцип настоящей работы – междисциплинарный подход к материалу. Исследование выполнено на стыке узкой этнолингвистики, лингвогеографии и компьютерной лексикографии. На различных его этапах

¹ Диссертант осуществлял сбор материала для словаря в трех районах – Юрлинском (2013 г. – с. Усть-Зула, с. Пож, д. Лобанова; 2014 г. – с. Усть-Зула, д. Пестерёва, с. Пож, пос. Чугайнов Хутор; 2015 г. – с. Юм, д. Таволжанка, д. Черепанова, д. Чёрная; 2016 г. – д. Елога, д. Мухоморка, пос. Чус, с. Юрла, д. Липухина; 2018 г. – с. Усть-Зула, с. Пож, д. Новосёлова, д. Сергеева, д. Вятчина, д. Щеколова), Сивинском (2019 г., пос. Северный Коммунар, д. Буланово), Красновишерском (2017 г. – с. Верх-Язьва, д. Антипина, д. Паршакова; 2019 г. – г. Красновишерск и д. Корнино).

использовались следующие **методы и методики**: 1) при сборе материала: интервью, беседа по тематическим опросникам, включенное наблюдение; при отборе мифологических текстов о персонажах, а также самих номинаций духов локусов – метод сплошной выборки; 2) при анализе названий духов локусов: а) общенаучные методы: описательный, сравнительный, метод классификации, метод моделирования; б) методика мотивационного анализа; в) лингвогеографический метод и методика картографирования; 3) при создании концепции электронного словаря – лексикографический метод. При разработке интерфейса электронного словаря использовалась платформа для создания веб-сайтов WordPress.

Теоретическую базу исследования составили труды, посвященные понятию мифологического персонажа (Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская, С.М. Толстая, О.А. Черепанова); понятию мифологической лексики и ее особенностям, в том числе названиям мифологических персонажей (О.В. Абыякая, А.П. Бабушкин, Е.Ю. Балова, О.В. Белова, Е.Л. Березович, М.В. Боброва, О.И. Васнева, А.В. Гура, А.Ф. Журавлев, Н.С. Ивашина, И.Б. Качинская, И.В. Кирилова, З.И. Комарова, Н.Г. Комлев, С.Ю. Королёва, Н.А. Криничная, А.А. Макарова, В.А. Маслова, А.Б. Мороз, И.И. Муллонен, Д.К. Новикова, И.А. Подюков, Л. Раденкович, И.И. Русинова, А.В. Суперанская, О.Д. Сурикова, А.А. Уфимцева, У.М. Федулова, О.А. Черепанова, Ю.Ю. Шадрин); понятию мифологического текста (Е.Е. Левкиевская); соотношению языка фольклора и диалекта (Е.Б. Артеменко, П.Г. Богатырев, О.И. Богословская, А.П. Евгеньева, О.Д. Кузнецова, Ю.А. Новиков, Ф.П. Сороколетов, В.А. Черванева, Р.О. Якобсон); вопросам картографирования мифологической лексики (Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская, И.А. Попов, С.М. Толстая, Н.И. Толстой); понятию электронного словаря и его особенностям (В.М. Андриющенко, Л.Н. Беляева, В.П. Берков, Е.В. Булдакова, В.М. Варинская, А.С. Герд, О.И. Максименко, Г.М. Мандрикова, Ю.Н. Марчук, В.В. Морковкин, В.П. Селегей, Л.Л. Нелюбин, Я.А. Перванов, О.С. Рублева, Н.В. Саковская, Н.А. Сивакова, С.А. Стройков); вопросам лексикографирования мифологической лексики (О.В. Абыякая, Т.А. Агапкина, М. Александровская, Е.Ю. Балова, О.В. Белова, М.М. Валенцова, С.Ю. Королёва, Е.Е. Левкиевская, С.Е. Никитина, А.А. Плотникова, И.И. Русинова, А.В. Черных, К.Э. Шумов, А.Т. Хроленко), истории формирования пермских говоров (Е.Н. Полякова).

Научная новизна настоящей работы заключается в следующих аспектах. В ходе исследования русская мифологическая лексика Пермского края, обозначающая домового, банника, лешего и русалку, впервые рассмотрена как целостная система в семантико-структурном и ареальном аспектах. В работе предложен новый подход к лексикографическому представлению этих названий. Результатами исследования стали: а) карты, иллюстрирующие распространение номинаций указанных персонажей по территории Пермского края, б) оригинальный, не имеющий прямых аналогов «Электронный словарь названий мифологических персонажей Пермского края» (в работе представлен его фрагмент). В научный оборот введен новый лексический и текстовый материал, отражающий мифологические представления русских жителей региона.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней выявлены мотивационные модели, по которым происходит образование номинаций духов

локусов; описана зависимость структурных типов номинаций от персонажа, который ими обозначен; решены вопросы разграничения эвфемистических номинаций демонов и обозначений их антропоморфного облика; разработана концепция электронного словаря названий мифологических персонажей Пермского края. Принципы мотивационной, структурно-семантической и лексикографической интерпретации номинаций изученных мифологических персонажей Пермского края, апробированные в работе, могут быть применены к другим объединениям русской мифологической лексики.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что его результаты могут использоваться для разработки вузовских курсов по семантике, диалектологии, этнолингвистике, региональной лексикологии и ономастике, лексикографии. Представленные в работе лингвогеографические карты могут стать наглядным учебным материалом, а также основой для научных исследований, в том числе включаться в лингвистические атласы и словари. Созданный фрагмент электронного словаря может использоваться для знакомства с мифологической лексикой Пермского края. Кроме того, словарь за счет своей формы позволит анализировать включенные в него единицы в рамках этнолингвистических, ареальных, фольклористических, культурологических и других исследований.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены автором в докладах на 13 конференциях различного уровня: на Международной научной конференции «Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования» (Пермь, ПГНИУ, 2017), XXXV и XXXVI Всероссийском диалектологическом совещании «Лексический атлас русских народных говоров» (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 2019, 2020), Всероссийской Школе молодых лексикографов (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 2016), Всероссийской очно-заочной научной конференции студентов и аспирантов высших учебных заведений «Слово и текст в культурном и политическом пространстве» (Сыктывкар, СыктГУ им. Питирима Сорокина, 2017), Всероссийской научно-практической конференции «Свое-чужое: опыт культурного взаимодействия» (Строгановские чтения XVI) (Усолье, Усольский историко-архитектурный музей-заповедник «Усолье Строгановское», 2020), IV, V и VII Всероссийской научной конференции «Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи» (Пермь, ПГНИУ, 2016, 2017, 2020), Всероссийском междисциплинарном научном совещании «Вариативность языка и когнитивных структур: модели и методы» (Пермь, ПГНИУ, 2019), Всероссийской междисциплинарной научной конференции «Региональное: феномены, модели, практики» (Пермь, ПГНИУ, 2020), региональной конференции «Филологические проекции Большого Урала» (Пермь, ПГНИУ, 2016), онлайн-конференции «Славянская традиционная культура и современный мир» (Пермь, Пермский дом народного творчества «Губерния», 2020). По теме исследования опубликовано 20 работ, 5 из них – в изданиях, рекомендованных ВАК.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Номинации духов-«хозяев» локусов Пермского края представляют собой подсистему в рамках русской мифологической лексики; их семантика и структура с регулярностью отражают устойчивый комплекс верований, связанных с этими персонажами у русских жителей региона: об их демонической сущности и нематериальной природе, гендерных различиях, локусах, связи с предками человека,

способности к оборотничеству, соседстве с человеком, чертах внешнего облика, действиях, а также об опасности, исходящей от персонажа.

2. Наибольшую долю в системе названий духов локусов Пермского края составляют те, которые указывают на локус персонажей, их демоническую природу и статус по отношению к человеку или к своему локусу. Именно эти черты в пермской мифологической традиции образуют ядро представлений о рассматриваемых персонажах и являются необходимыми и достаточными для их идентификации.

3. Лексические единицы демонстрируют общность и различия в степени вредоносности изученных персонажей для человека. Общим является представление о них как об источниках опасности, поэтому все духи в той или иной степени оцениваются как вредоносные. Однако одни из персонажей наделяется исключительной злокозненностью (русалка), другим изредка приписывается и дружелюбное отношение к человеку (домовой, банник, леший).

4. Мотивационную базу для возникновения номинаций духов локусов чаще всего составляют названия человека. Преобладание в системе названий таких единиц обусловлено антропоцентризмом традиционной культуры, стремлением носителей этой культуры придать демонам черты человека. Такие единицы также регулярно образуются посредством сдвига в семантике лексических единиц, называющих других мифологических персонажей.

5. Распространение по всей территории края получили прежде всего те номинации банника, домового и лешего, которые отражают их локусы. Другие названия этих духов, указывающие на их демоническую природу, а также на статус по отношению к человеку и к месту обитания и патронажа, известны не во всех районах края. Однако единицы каждой из этих подгрупп отмечены в части северных и в части южных районов региона, что позволяет говорить о двух зонах их распространения – северной и южной. Система номинаций духов-«хозяев» локусов восходит к мифологической традиции Русского Севера, Предуралья и Поволжья. Причина такого распределения номинаций по изучаемой территории и связи единиц данных регионов кроется в процессах освоения Пермского края русскими.

6. Предложенный в работе подход к лексикографическому описанию номинаций духов локусов позволяет представить эту группу мифологической лексики как систему. Идеографическая часть «Электронного словаря названий мифологических персонажей Пермского края» показывает парадигматические связи единиц, иллюстративный материал – синтагматические связи каждого из элементов этой системы; географический указатель помогает установить ареальное распределение номинаций по территории всего региона или отдельных районов. Словарь позволяет структурировать и сам фрагмент мифологической традиции края, связанный с представлениями о духах локусов. Кроме того, электронная форма словаря обеспечивает гибкость его макро- и микроструктуры, которую можно подстраивать под лексикографируемый материал; дает возможность дополнять и корректировать словарные данные; обеспечивает систематизацию и удобное хранение лексического и текстового материала о мифологических персонажах, представляющего традицию русских Пермского края; решает проблему быстрого поиска данных и обеспечения их доступности для пользователей.

Структура диссертации. Работа представлена на 229 с. и состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников исследования, библиографического списка (153 наименования), списка использованных словарей (31 наименование) и двух приложений (приложение 1 содержит список условных сокращений названий районов Пермского края; приложение 2 представляет собой перечень номинаций духов-«хозяев» локусов, зафиксированных в русских говорах и мифологических текстах Пермского края).

Основное содержание работы

Во **введении** описаны объект, предмет, цель, задачи, методы исследования, охарактеризованы актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, указаны положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Общие вопросы изучения русской мифологической лексики» носит теоретический характер, в ней рассмотрены ключевые для исследования термины и понятия (мифологическая лексика, мифологический текст, электронный словарь), а также дан краткий обзор основных направлений изучения мифологической лексики в современной науке.

В **параграфе 1.1 «Мифологическая лексика: проблема термина»** рассматриваются термины, употребляемые в науке для обозначения той группы лексики, которая является объектом настоящего исследования, и различные подходы к их пониманию, а также обосновывается выбор диссертантом термина *мифологическая лексика* и дается его определение.

Термин *мифологическая лексика* в работах исследователей часто используется без дефиниции, как общеизвестный. О.А. Черепанова понимает под ним номинации мифологических персонажей. Представители Московской этнолингвистической школы (С.М. Толстая, Л.Н. Виноградова, А.В. Гура, О.А. Терновская, Г.И. Кабакова) рассматривают мифологический персонаж как совокупность признаков и функций, закрепленных за определенным именем, а Е.Е. Левкиевская главными единицами мифологической системы считает мифологический персонаж и его функции. Поэтому в настоящей диссертации термин *мифологическая лексика* имеет более широкий объем. Это тематический пласт лексики языка, отражающей архаические мифологические представления носителей традиционной культуры какого-либо народа, который включает номинации самих мифологических персонажей (*домовой, грифон, дракон, чёрт, ведьма*) и обозначения их действий (*блзнить, колдовать*). Ключевой особенностью мифологической лексики выступает отсутствие у нее денотата.

Параграф 1.2 «Мифологическая лексика и мифологический текст» посвящен рассмотрению понятия *мифологический текст*, поскольку именно такие тексты являются материалом данного исследования. Это один из типов текстов, в которых может использоваться мифологическая лексика, – рассказ о столкновении человека со сверхъестественным в самых разных его проявлениях, функционирующий в рамках традиционной культуры и транслирующий архаические мифологические представления.

В настоящей работе избран подход к рассказам о сверхъестественном, предложенный в рамках Московской этнолингвистической школы. Вслед за

Е.Е. Левкиевской, под *мифологическим текстом* понимается такой, который содержит сведения о каком-либо мифологическом явлении, представляет эти сведения как достоверные и транслирует их в соответствии с одной из ситуационных (или семантических) моделей, закрепленных в общественной памяти; он предстает как текст, функционирующий в разных формах бытовой, полубрядовой и обрядовой речи и воспроизводящийся в ней в определенных тематических, языковых и ситуативных формах [Левкиевская 2007].

Важнейшим свойством мифологического текста является полижанровость: его элементами в разных сочетаниях могут быть понимаемые как речевые жанры быличка, поверье, дидактическое высказывание, обращение к мифологическому персонажу.

Другой важной характеристикой мифологического текста является его функционирование исключительно в рамках диалога (почти всегда – бытового). Поэтому язык такого текста почти неотличим от разговорно-бытовой диалектной речи, в противоположность языку текстов поэтических жанров фольклора, тяготеющих к наддиалектности. Это делает мифологический текст надежным источником для изучения диалектной мифологической лексики.

В **параграфе 1.3 «Аспекты изучения мифологической лексики»** дается краткий обзор основных направлений изучения мифологической лексики в современной науке: *лингвокультурологического, лингвопрагматического, этнолингвистического, лингвогеографического (ареального), лексикологического, лексикографического.*

Одна из важных тенденций современности – активное развитие компьютерной лексикографии – повлияла и на практику создания словарей мифологической лексики. Ключевое понятие в рамках этого направления – *электронный словарь*, под которым в настоящей работе понимается один или несколько файлов или веб-страниц, содержащих различную информацию о лексических единицах какого-либо языка (толкование, перевод и т.д.), которая представлена в виде словарных статей, организованных как гипертекст в соответствии с одним или несколькими принципами (алфавитным, идеографическим и т.д.); электронный словарь не имеет прямых печатных аналогов и функционирует только при использовании компьютера либо другого электронного устройства и хранится либо в памяти этого устройства, либо на внешнем электронном носителе, либо в сети Интернет.

Несмотря на активное развитие компьютерной лексикографии, электронных лексикографических продуктов, содержащих мифологическую лексику, почти нет. Исключение составляет база данных «Полесский архив», которая послужила источником материала для «Словаря полесской этнокультурной лексики», а также база данных «Славянские мифологические персонажи»; однако обе они недоступны широкому пользователю.

Глава 2 «Мифологическая лексика Пермского края: семантический аспект» посвящена исследованию семантики названий духов локусов, функционирующих в русских говорах и мифологических текстах региона. В **параграфе 2.1 «Мотивационный анализ номинаций духов локусов»** рассмотрены мотивационные сферы, на основе единиц которых возникают исследуемые названия, выстроены мотивационные модели, проанализированы процессы, которые приводят к изменению семантики мотивирующих единиц.

Большое количество (54 %) названий духов локусов образовано от единиц мотивационной сферы «Человек». В рамках этой сферы выделяется несколько мотивирующих подгрупп: 1) **общие названия человека**, на базе которых в соответствии с мотивационной моделью ‘человек мужского / женского пола’ → ‘дух-«хозяин»’ возникли, например, единицы *лесной человек* (леший), *лесной мужик* (леший), *лесная баба* (леший); 2) **названия человека по возрасту**, к которым восходят номинации духов-«хозяев» *дед* (леший), *дедушка* (домовой, леший), *бабушка* (банник), *дедушка-суседушка* (домовой), *лесной дедушка* (леший), *банная бабушка* (банник), *Соломонида-бабушка* (банник), *банная девка* (банник), образованные по модели ‘старый / молодой человек’ → ‘дух-«хозяин»’; 3) **названия родственников**, на основе которых возникли номинации *батюшка* (домовой, банник, леший), *братанушка* (домовой), *дедушка-батюшка* (домовой), *соседушко-братанушко* (домовой), *суседушка-матушка* (домовой), *Соломия-матушка* (банник), *батюшка банный царь* (банник), *дядя* (леший). Эти номинации духов можно возвести к двум моделям: ‘родственник’ → ‘дух-«хозяин»’ и ‘родственник старшего поколения’ → ‘дух-«хозяин»’; 4) **названия соседей**, на базе которых возникли названия домового *сосед*, *соседка*, *соседушка*, *сусед*, *суседиха*, *суседка*, *суседок*; мотивационная модель выглядит так: ‘человек, живущий по соседству’ → ‘дух-«хозяин»’; 5) **названия друзей**, служащие базой для номинаций *товарищ* (домовой), *друг* (леший), *подружка* (русалка); мотивационная модель: ‘друг’ → ‘дух-«хозяин»’; 6) **названия гостей**, давшие, например, лешему номинацию *гость*; единица образована по модели ‘гость’ → ‘дух-«хозяин»’; 7) **обозначения лица по социальному положению**: а) **единицы, образованные от слова хозяин**: *хозяин* (домовой, банник, леший), *хозяюшка* домовая (домовой), *банный хозяин* (банник), *лесной хозяин* (леший), *хозя* (домовой, леший); мотивационная модель в данном случае выглядит так: ‘владелец какого-л. имущества’ → ‘дух-«хозяин»’; б) **названия лиц с высоким социальным статусом**, от которых образованы номинации *господин* домовая (домовой), *царь* лесной (леший), *заведующий баней* (банник), *банный староста* (банник), *соседушко-атаманушко* (домовой); мотивационная модель для этих единиц следующая: ‘лицо с высоким социальным статусом’ → ‘дух-«хозяин»’; 8) **названия человека, имеющего какие-либо особенности внешности**, на базе этих слов возникли названия духов локусов *шима* (домовой), *волосатка*, *росомаха* (русалка); единицы образованы по модели ‘женщина с длинными волосами’ → ‘дух-«хозяин»’; 9) **названия человека по действию**, на основе которых появились единицы *суседка-топало* (домовой), *банная парушка* (банник), *Соломея-парушка* (банник), *помощник* (леший); в данном случае использована такая модель: ‘человек, совершающий определенное действие’ → ‘дух-«хозяин»’.

Номинации духов локусов, возникшие на базе единиц мотивационной сферы «Человек», отражают народные представления об оборотничестве персонажей, их внешности и поведении; о наличии у них мужской и женской ипостасей; об их связи с душами умерших предков рода; о том, что эти духи управляют своим локусом и всем, что в нем есть, поэтому человек должен признавать главенство демонов и почитать их; об опасности персонажей для человека, с чем связано стремление носителей традиции задобрить их, обозначив как своих родственников, соседей, друзей, гостей. Этим же стремлением можно объяснить регулярное включение в состав таких номинаций

суффиксов с ласкательной семантикой. В целом, многие номинации носят эвфемистический характер и вербализуют запрет на произнесение прямого имени персонажа.

Вторая мотивационная сфера, значимая для образования названий духов локусов в Пермском крае, – это сфера «**Демоны**». Все номинации духов-«хозяев», возникшие на базе слов этой тематической группы (23 %), отражают представление о демонической природе рассматриваемых персонажей. Так, названия духов-«хозяев» происходят от обозначений следующих представителей нечистой силы: 1) **чёрта, дьявола** (*бес, чёрт, дьявол* (домовой, банник, леший), *сатана* (леший), *чертёнок* (домовой), *чёртик* (банник), *чертовка* (банник, русалка), *шайтан* (леший), *шайтанка* (русалка), *шши* (банник, домовой, русалка), *шшишига* (русалка), *нечистый дух* (домовой, банник, леший), *нечисть* (домовой, леший, русалка), *нечистая сила* (домовой, леший), *окаянный* (леший); мотивационная модель выглядит так: ‘представитель нечистой силы вообще’ → ‘дух-«хозяин»’; 2) **духов-«хозяев» других локусов** (*леший* (домовой), *домовой* (банник), *дворовой* (домовой), *лешачиха* (банник, русалка), *соседка* (банник)); мотивационная модель – ‘дух-«хозяин» одного локуса’ → ‘дух-«хозяин» другого локуса’ или – в усложненном виде – ‘дух-«хозяин» одного локуса’ → ‘представитель нечистой силы вообще’ → ‘дух-«хозяин» другого локуса’; 3) **других демонов**: а) **духов, вредящих роженицам** (номинация русалки *лобаста*); мотивационная модель следующая: ‘злой дух, опасный для рожениц’ (тюрк.) → ‘представитель нечистой силы вообще’ (русс.) → ‘дух-«хозяин» водоема (реки, озера и т.д.)’; б) **полтергейста** (номинация домового *барабашка*), мотивационная модель такова: ‘полтергейст’ → ‘дух-«хозяин» дома’; в) **персонажей, которыми пугают детей** (*уберениха* (леший), *калян* (домовой)); мотивационная модель выглядит так: ‘персонаж, которым пугают детей’ → ‘дух-«хозяин»’.

При образовании обозначений духов локусов от единиц сферы «Демоны» происходит не семантический перенос, а семантический сдвиг, поскольку мотивирующая и производная единицы принадлежат к одной тематической группе. Обнаружены две основные модели такого сдвига: 1) перенос родового названия нечистой силы на отдельный вид демонов – духов-«хозяев» (*чёрт* (леший), *бес* (леший), *нечистая сила* (домовой, леший)); 2) перенос видового названия демона на духа локуса (*барабашка* (домовой), *полудница* (русалка)).

В параграфе 2.2 «Семантика и структура собственных имен духов локусов» рассматриваются личные имена каждого из четырех персонажей, проводится их сопоставление. Всего в наших материалах обнаружено 17 собственных наименований духов локусов.

При этом количество собственных имен сильно различается у разных персонажей. На одном полюсе по этому признаку находятся леший (10) и банник (5), а на другом – домовой и русалка, у которых зафиксировано по одному имени. По нашему мнению, здесь прослеживается взаимосвязь с традицией обращения к духам локусов с какими-либо просьбами. Так, наиболее часто люди обращаются к лешему (в крае существует традиция написания ему «грамот» с просьбой о помощи), нередко называя его при этом по имени. Активно функционирует в регионе и традиция обращения к духу бани, когда его также называют по имени, часто используя при этом двухкомпонентные номинации, включающие термины родства (*Соломия-бабушка*).

Ритуал обращения к домовому (при переезде в новый дом или для узнавания будущего, когда домовый *давит* человека) тоже хорошо сохранился в пермской традиции, однако персонажа в такой ситуации принято называть не по имени, а при помощи различных нарицательных – часто двухкомпонентных – единиц (*дедушка-соседушка, соседушко-братушко*). Традиция обращения к русалке в крае не зафиксирована, поэтому персонаж практически не имеет имен.

Абсолютное большинство имен духов локусов в пермской традиции происходит от антропонимов. Отапеллятивные образования характерны лишь для лешего, но и у этого персонажа они встречаются реже, чем имена, возникшие на базе антропонимов.

Для каждого персонажа обнаружены свои структурные модели образования имен собственных. Так, для банника более частотной моделью является сочетание собственного имени и термина родства или характеристики, которое представляет собой двухкомпонентную единицу (*Соломия-матушка, Соломонида-бабушка, Соломея-парушка*). Основная модель для создания собственных имен лешего – формула «имя + отчество» (*Иван Васильевич*), которая иногда может дополняться фамилией (*Митрофан Сергеевич Ягода*). При этом для имен лешего характерны повторы корней (*Виктор Викторович, Леонтий Леонтьевич*), а также звуков – аллитерации и ассонансы (*Шалопай Салопонтьевич*). Иногда встречаются одиночные полные имена лешего (*дядя Виктор*) и наименования прозвищного типа (*дедушка Алый*). Подобно именованиям банника, имена лешего могут дополняться терминами родства. Имена домового и русалки представляют собой неполную форму антропонимов (*Кузька* (домовой), *Даша* (русалка)), при этом в структуре собственного наименования духа дома содержится суффикс *-к-*.

В собственных именах духов локусов нашли отражение следующие их характеристики: принадлежность к миру демонов, пол, возраст, связь с предками человека, образы оборотничества, рост персонажа, его функции, ресурсы, которыми владеет и распоряжается персонаж в своем локусе, положение персонажа в иерархии «демон – человек», необходимость задабривать духов-«хозяев», связь лешего с образом медведя.

В главе 3 «Мифологическая лексика Пермского края: лингвогеографический аспект» представлены карты, иллюстрирующие распространение по территории края тех номинаций банника, домового и лешего, которые образуют в русских говорах края большие словообразовательные гнезда; для русалки представлена лексическая карта всех наименований. Отдельный параграф посвящен сравнению системы номинаций духов-«хозяев», существующей в Пермском крае, с аналогичной лексикой других регионов России.

В параграфе 3.1 в ареальном аспекте рассмотрены номинации русалки. Анализ картографических данных показал, что единственным ее названием, распространенным по всей территории края, является общерусское (общевосточнославянское) слово *русалка*. При этом наблюдается наличие множества локальных номинаций персонажа; наибольшее количество единиц образовано от корней *-вод-* (*водяная, водяная русалка, водяная шишига*) и *-черт-* (*черташка, чертиха, чертовка*).

Небольшое число наименований русалки свидетельствует о сильной редукции и постепенном исчезновении представлений об этом персонаже в пермской

мифологической традиции. Общность традиции сохраняется лишь на уровне отдельных верований и не поддерживается диалектным языком. Так, единство образа русалки на территории края обеспечивают представления о ее демонической природе, о месте ее обитания, о наличии у нее длинных распущенных волос, о запрете называть ее прямым именем и о необходимости ее задабривать.

Параграф 3.2 посвящен рассмотрению номинаций банника в лингвогеографическом аспекте. В работе картографированы только те номинации, которые образуют обширные словообразовательные гнезда. Среди названий духа бани к числу таких номинаций относятся единицы с корнями *-бан-*, *-бес-*, *-черт-* и основой *нечист-*.

Наиболее часто в русских говорах и мифологических текстах Пермского края встречаются номинации с корнем *-бан-* (*банный*, *банник*, *банная бабушка*, *банищица*), они отмечены практически во всех районах.

Названия, образованные от обозначений различных демонов, имеют по несколько мелких зон распространения. Так, употребление единиц с основой *нечист-* (*нечистый*, *нечистая сила*, *нечистик*) учащается по мере движения с севера на юг края. Названия с корнем *-бес-* (*бесь*, *бесёнок*), напротив, получили большее распространение на севере региона, чуть меньшее – на западе; отдельные номинации отмечены в локальных традициях Кишертского и Чернушинского районов. Названия духа бани с корнем *-черт-* (*чёрт*, *чёртик*, *чертовка*) имеют три ареала бытования: северный, северо-западный и южный.

Проведенный анализ также показывает, что наиболее часто отражаемыми в названиях банника и, следовательно, наиболее значимыми для носителей традиции являются такие признаки персонажа, как его связь с локусом бани и демоническая природа.

Параграф 3.3 посвящен анализу ареальных особенностей названий домового. Крупные гнезда образуют номинации персонажа с корнями *-бат-*, *-брат-*, *-дед-*, *-дом-*, *-сосед-/сусед-* и *-хозяй-*. При этом по всей территории края распространены единицы с корнями *-сосед-/сусед-* (*сусед-суседушка*, *суседко-батюшко*); названия с корнем *-дом-* (*домовик*, *домовая бабушка*) тоже отмечены на всей территории края, однако ареал их функционирования уже. Остальные группы номинаций имеют по несколько относительно небольших замкнутых ареалов.

Так, образованные от терминов родства названия домового с корнем *-бат-* имеют три ареала функционирования: первый простирается с северо-востока до западных районов центральной части края, а два других находятся на юге региона и совпадают с границами Куединского и Кишертского районов. Единицы с корнем *-брат-* тоже имеют три ареала: северный, юго-восточный и южный. Названия с корнем *-дед-* имеют один крупный ареал на западе региона и множество мелких, совпадающих с границами отдельных районов – Гайнского, Соликамского, Пермского, Кишертского и Куединского. Названия домового с корнем *-хозяй-* имеют два ареала бытования – северо-западный и юго-восточный, а также встречаются в Гайнском, Красновишерском и Куединском районах.

Проанализированные номинации домового указывают на то, что наиболее значимыми для носителей традиции представлениями, связанными с этим персонажем,

являются его связь с жилищем человека, способность к оборотничеству, статус духа по отношению к человеку и к своему локусу, необходимость задабривать персонажа.

В параграфе 3.4 рассматриваются номинации лешего с корнями *-бат-*, *-бес-/бис-*, *-дед-*, *-лес-/леш-*, *-хозяй-* и основой *нечист-*, поскольку именно они составляют в системе наименований духов локусов Пермского края самые большие словообразовательные гнезда. При этом распространение по всей территории региона получили единицы, обозначающие персонажа через его локус (*леший*, *лесной*, *лешак*).

Остальные номинации имеют более узкую территорию функционирования. Так, единицы с корнем *-дед-* имеют два ареала: один простирается с севера до центра региона; второй – южный. Единицы с основой *нечист-* тоже имеют ареал на севере; кроме того, эти названия отмечаются в центральной части края, а также на юге.

Еще меньшее распространение получили в традиции края названия с корнями *-хозяй-* и *-бес-/бис-*. Слова каждой из этих групп имеют один ареал в центре региона и по несколько ареалов, совпадающих с границами отдельных районов.

Наконец, менее всего (только в трех отдельных районах – Юрлинском, Нытвенском и Октябрьском) по краю распространены названия с корнем *-бат-*.

Проведенный анализ показывает, что наиболее значимыми для пермской традиции являются верования, связанные с локусом лешего, его демонической природой, статусом духа-«хозяина», оборотничеством и необходимостью задабривать духа.

Обобщая данные о географическом распределении номинаций духов локусов по территории Пермского края, необходимо отметить два важных момента:

1) Различия в имеющихся для каждого персонажа наборах корней позволяют говорить о разнице в восприятии духов носителями традиции. Общим для систем номинаций всех четырех духов является наличие большого числа названий, указывающих на место обитания персонажей. Это единицы с корнями *-бан-*, *-дом-*, *-лес-/леш-*, *-вод-*. При этом для трех персонажей – банника, домового и лешего – есть одно или несколько названий (часто общерусских), встречающихся почти во всех обследованных районах края: для духа дома – *домовой*; для духа бани – *банник*; для духа леса – *леший*, *лешак*, *лесной*². Важность этого признака для народного сознания вполне закономерна, поскольку именно он определяет роль каждого персонажа в системе традиции. Анализ наборов гнезд номинаций банника и русалки показывает, что у этих персонажей, помимо локуса, активно маркируется демоническая природа (единицы с корнями *-бес-*, *-черт-* и основой *нечист-*). Таким образом, эти персонажи чаще воспринимаются как враждебные по отношению к человеку. Домовой, напротив, оказывается близок к людям, что проявляется в наличии названий с теми корнями, которые подчеркивают статус персонажа как родственника (*-дед-*, *-бат-*, *-брат-*) или соседа (*-сосед-/сусед-*). Кроме того, для народного сознания важен статус этого духа как хозяина своего локуса, который распоряжается всем, что в нем есть (единицы с корнем *-хозяй-*). Последнее справедливо и для лешего. Однако набор корней, дающих номинации этого персонажа, указывает на его амбивалентность. С одной стороны, персонаж может быть дружелюбен к человеку, выступать как его предок, родственник

² Среди названий духа воды по всей территории края распространена общеславянская номинация *русалка*, которая отражает не локус, а время активизации персонажа.

(номинации с корнями *-бат-*, *-дед-*); с другой стороны, он маркируется народным сознанием как опасный демон (единицы с корнем *-бес-* и основой *нечист-*).

2) Группы номинаций духов с корнями *-дед-*, *-бат-*, *-брат-*, *-бес-*, *-черт-*, *-вод-*, а также основой *нечист-* имеют по несколько замкнутых ареалов, расположенных в разных частях края. Однако общая тенденция состоит в том, что для каждой группы названий довольно четко выделяются северная и южная зоны бытования. При этом единицы каждой рассмотренной группы функционируют в части районов северной зоны и в части районов южной зоны; среди проанализированных словообразовательных гнезд нет ни одного такого, единицы которого встречались бы только на севере или только на юге края.

В **параграфе 3.5** мифологическая лексика Пермского края рассматривается на фоне других региональных традиций; при этом обнаруживается ее сходство с аналогичной лексикой других территорий.

Во-первых, много общего у пермской традиции с традицией Русского Севера. Такое сходство можно объяснить процессами освоения территории Пермского края прежде всего выходцами с Русского Севера, которые в несколько волн переселения заняли сначала северную часть края (Пермь Великую и Соль Камскую), а затем и южную – до г. Осы и Кунгурского района. Думается, что именно они распространили севернорусские мифологические представления, в том числе о духах локусов, и соответствующую мифологическую лексику по территории края.

Во-вторых, наблюдается сходство пермской мифологической лексики с соответствующими единицами Кировской и Свердловской областей. Это может быть связано с процессами миграции жителей Русского Севера через территорию Кировской области и Пермского края на Урал, в Зауралье и Сибирь с целью освоения новых земель. Подтверждение этого находим и в сходстве номинаций, функционирующих в Пермском крае и в Восточной Сибири.

В-третьих, много общего в мифологической лексике пермских говоров и говоров Нижегородской области. Данный факт можно объяснить тем, что жители этого региона, в том числе старообрядцы, прибывали на территорию Перми Великой и Соли Камской в XVI–XVII вв.

Отметим, что, поскольку районы Пермского края обследованы диалектологами и фольклористами неравномерно, полученные выводы носят предположительный характер и в дальнейшем, с появлением новых данных, могут дополняться и корректироваться.

В **главе 4** представлена концепция «Электронного словаря названий мифологических персонажей Пермского края». В **параграфе 4.1** дана его общая характеристика. Это оригинальный электронный словарь, который создан на базе платформы WordPress и имеет форму веб-сайта, расположенного по адресу: <http://mifslovar.psu.ru>. Такая форма словаря позволила создать гибкую, подстраиваемую под любой лексический материал и удобную для пользователей макро- и микроструктуру, развитую систему поиска словарных статей; дала возможность постоянно пополнять словарь новыми данными и корректировать уже внесенные, обеспечивая соответствие словаря состоянию мифологической традиции края, а также предоставить доступ к лексикографическим данным широкому кругу пользователей. **Параграф 4.2** посвящен принципам отбора единиц. В словарь

включены две подгруппы мифологической лексики: 1) номинации духов локусов (включая общерусские слова *банник*, *домовой*, *леший*, *русалка*, а также диалектные нарицательные существительные и словосочетания, обозначающие духов, в том числе такие, которые используются в рамках различных апотропеических формул при обрядовой коммуникации с духами и получают вокативную функцию: *банная бабушка*, *банница* (банник); *бес*, *старушка-домовушка*, *голбечный суседко* (домовой); *лесной дедушка*, *дьявол лесной*, *лешак* (леший); *кикимора*, *чертовка*, *волосатка*, *водяная*, *лешачиха*, *нечисть*, *шишига* (русалка)); 2) собственные имена духов локусов ((*дядя*) *Виктор*, *Еврей Евреевич* (леший), *бабушка Соломея*, *Соломея-парушка* (банник)). В **параграфе 4.3** перечислены источники словаря, а также показан алгоритм идентификации мифологического персонажа в тексте, который предполагает: 1) анализ мифологических текстов, в которых указано прямое имя персонажа, и составление перечня имен, признаков, действий, локусов и оберегов для каждого демона; 2) сопоставление с полученным перечнем данных тех мифологических текстов, которые содержат диалектное название персонажа. Идентификация персонажа предполагает опору на весь комплекс его признаков, описанных в тексте, а не только на имя.

В **параграфе 4.4** рассмотрена макроструктура словаря. Словарь включает 7 основных разделов: **главную страницу** со вступительной статьей к словарю; **Алфавитный указатель**, в котором словарные статьи расположены в алфавитном порядке; **идеографическую часть** – раздел **Мифологический персонаж**, где словарные статьи организованы по тематическому принципу (есть подразделы для каждого персонажа, где статьи разделяются на два субподраздела **Названия** и **Имена**); **Географический указатель лексических единиц**, в котором статьи сгруппированы по районам и населенным пунктам записи их вокабул; **Указатель мотивов**, где планируется разместить указатель мотивов к мифологическим текстам, используемым в словаре в качестве иллюстраций; вспомогательную часть **Метаданные**, где содержится информация о текстах, использованных в качестве материала для словаря (он содержит подразделы **Список информантов**, **Список собирателей** и **Список источников**); раздел **Контакты** с контактными данными разработчиков для обратной связи с пользователями. В **параграфе 4.5** охарактеризована система поиска данных в словаре: по алфавиту вокабул, по персонажу и по географической привязке. Кроме того, в словаре предусмотрен полнотекстовый поиск, для чего разработана специальная форма, расположенная в правом верхнем углу страницы. **Параграф 4.6** посвящен микроструктуре словаря. Словарная статья в словаре состоит из: 1) **заголовочного слова**, обозначенного полужирным шрифтом прописными буквами, ударение показывается строчной литерой; фонетические и грамматические варианты подаются в одной словарной статье, словообразовательные – в разных; порядок компонентов неоднословных номинаций соответствует форме их фиксации в тексте (так, единицы *дедушка лесной* и *лесной дедушка* подаются в разных словарных статьях); 2) **грамматических помет**, которые даются только в том случае, если грамматические характеристики диалектного слова отличаются от характеристик литературного либо если по форме слова невозможно определить его грамматические особенности; 3) кратко описательного **толкования** лингвистического типа; 4) **иллюстраций**, которые представляют собой целые мифологические тексты; 5) сведений о месте

фиксации каждого текста (в круглых скобках указаны названия **населенного пункта и района**, где он был записан, которые снабжены гиперссылками на соответствующие разделы **Географического указателя лексических единиц**); б) **метаданных**, также приводимых после каждой иллюстрации, они включают: номер текста, принятый в рамках словаря, номер информанта (помета *инф.*), номер собирателя (помета *соб.*), сокращенное название источника, из которого взят текст; эти пометы, а также сокращенное название источника текста, снабжены гиперссылками соответственно на **Список информантов**, **Список собирателей** и **Список источников**; 7) после толкования какого-либо значения данного слова и иллюстраций может следовать помета *В соч.*, после которой приводятся **сочетания**, в которых встречается толкуемое слово в данном значении; они обозначены полужирным шрифтом прописными буквами (ударение показано строчной буквой) и снабжены гиперссылками на соответствующие словарные статьи. В указанном параграфе приведены примеры словарных статей:

БаБУШКА ЛЕСНаЯ. Дух-«хозяин» леса.

Телушка двух годов у нас потерялась (на самом-то деле её соседи украли и закололи). А маме сказали, что дедушка где-то носит. Машка пошла искать, навстречу попадает высокая старуха, и ресниц у ней нет. Машка спросила, не видела ли телушку. Бабушка захохотала (знает ведь, что заколота): «Ха-ха, телушку» (три раза). [А кто это была?] А это **бабушка лесная**. [В чем она была?] То ли халат... Ну во всём сером (Ильинский район) [текст 1229; Материалы].

ДеДУШКА-БРаТУШКА (только в функц. обр.). Дух-«хозяин» дома.

Домового я переносила в новый дом. Говорила: «**Дедушка-братушка**, пойдешь со мной». Дедушка помогает мне, за скотом смотрит. Как-то корова лягаться начала, я говорю: «**Дедушка-братушка**, помоги». Корова и перестала лягаться (д. Комариха, Ильинский район) [текст 485; инф. 246; соб. 134, 135, 136; Материалы].

СОСеДКА (м. р.), СОСеДКО, СУСеДКА (м. р. и ж. р.), СУСеДКО, СУСиДКА (м. р.), СУСиДКО. 1. Дух-«хозяин» дома.

А ещё в дому живёт **соседка**. Моська маленькая, как у котёнка. Говорят, что в голбце живёт. Раз мы тесто поставили, **соседка** вздохнул: «К добру». Тесто подниматься стало. Коли весной вздохнёт, то тоже к добру: тепло будет. Сам чёрный такой, толстый (с. Половодово, Соликамский район) [текст 516; инф. 260; соб. 144, 145; Материалы].

Глянули они во двор, а там домовою с домовою катаются. Вот и поняли, почему скотина не ревет, кто её поит, кормит. А **суседко** на всех обиделся и ушёл со своей **суседкой** из дома. Так скотина потом три дня редела – смотреть-то за ней некому стало. Вот так у нас было, а щас этого нет ничего (с. Большие Кусты, Куединский район) [текст 285; инф. 26; ББ].

2. Дух-«хозяин» бани.

[В.И.:] **Суседки** у нас были в банях. [М.С.:] Да. [В.И.:] У нас вот раньше баня была здесь на горе, и мы когда вот уйдем гулять. Я самая младшая в семье. Парни дамой убегают уже, а я потом иду одна, и всегда меня пугали: **суседка** в бане поймают (д. Корнино, Чердынский район) [текст 196; инф. 133, 134; соб. 73, 118; Материалы].

СОСеДУШКА (м. р.), СОСеДУШКО, СУСеДУШКА (м. р.), СУСеДУШКО. 1. Дух-«хозяин» дома.

Домовой у каждого дома живёт, только показывается не всяким – лишь тем, кто добрый и кто его не боится. Я со своим домовым в ладах живу. Всегда, когда я в дом захожу, к **соседушке** обращаюсь: «Дедушко-соседушко, вот тебе соль да хлебушко, сам ешь да мною семью корми» (Гайнский район) [текст 220; Русские].

В соч.

БаТЮШКА-СУСеДУШКА

ДеДУШКА-СОСеДУШКА

ДОМОВОЙ-СОСеДУШКО

СОСеДУШКА-БаТЮШКА

СОСеДУШКА-БУКаНУШКА

СОСеДУШКО-БРАТаНУШКО

СУСеДУШКА-БРАТоК

СУСеДУШКО-АТАМаНУШКО

СУСеДУШКО-БАСеДУШКО

СУСеДУШКО-ВАКеДУШКО

ВиКТОР ВиКТОРОВИЧ. Указанные имя и отчество, употребляемые в качестве замены прямого названия лешего.

Виктор Викторovich, говорят, леший-то, его просят, если корова потеряется (с. Усть-Зула, Юрлинский район) [текст 1914; СРГКПО].

В **заключении** сделано теоретическое обобщение результатов исследования, указаны его перспективы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в публикациях.

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Русинова И.И., Гранова М.А. Отражение сюжетных мотивов в номинациях домового и лешего (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12 (66), ч. 2. С. 160–162.

2. Русинова И.И., Гранова М.А. «Гардероб» лешего (на материале русских мифологических текстов Пермского края) // Научный диалог. 2018. № 10. С. 130–147.

3. Гранова М.А. Мифологическая традиция поселка Северный Коммунар Сивинского района Пермского края: представления о домовом // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 3. С. 27–37.

4. Гранова М.А. К проблеме классификации лексики, называющей действия домового (на материале русских мифологических текстов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 3. С. 5–14.

5. Гранова М.А. Имена лешего в русских мифологических текстах Пермского края: семантический, структурный и функциональный аспекты // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 4. С. 19–29.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

6. Гранова М.А. Электронные словари славянской мифологии: опыт и перспективы развития // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография: сб. ст. / отв. ред. О.Н. Крылова; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 80–92.

7. Гранова М.А. Лексические материалы для электронного «Словаря мифологических рассказов Пермского края» // Филологические проекции Большого Урала: мат. традиц. межвуз. студ. науч. конф. (г. Пермь, май 2016 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2016. С. 13–16.

8. Русинова И.И., Гранова М.А. К вопросу о принципах подачи в электронном словаре неоднословных единиц, называющих мифологических персонажей // Цифровая гуманитаристика:

ресурсы, методы, исследования: мат. Междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16–18 мая 2017 г.): в 2 ч. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. Ч. 1. С. 80–83.

9. Гранова М.А. Неоднословные номинации домового и лешего как объект описания в электронном словаре: к постановке проблемы (на материале пермских говоров) // Филология в 21 веке: методы, проблемы, идеи: мат. V Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., г. Пермь, 10 апр. 2017 г. / отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. С. 203–211.

10. Гранова М.А. Типы номинативных единиц, обозначающих домового и лешего, в русских говорах Пермского края // Слово и текст в культурном и политическом пространстве: мат. Всерос. с междунар. участием науч. конф. студ. и асп. (Сыктывкар, 21 апреля 2017 г.) [Электронный ресурс]: текст. науч. электрон. издание на компакт-диске / отв. ред. Т.Н. Бунчук; Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Сыктыв. гос. ун-т им. Питирима Сорокина». Электрон. текстовые дан. (2,44 Мб). Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. 1 опт. компакт-диск (CD-ROM). Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium III; 256 Мб RAM; не менее 1,5 Гб на винчестере; Windows XP с пакетом обновления 2 (SP2); Microsoft Office 2003 и выше; видеокарта с памятью не менее 32 Мб; экран с разрешением не менее 1024x768 точек; 4-скоростной дисковод (CD-ROM) и выше; мышь. Загл. с титул. экрана. С. 21–23.

11. Гранова М.А. Есть ли дом у лешего? (на материале русских мифологических текстов Пермского края) // Филология в XXI веке. Пермь, 2018. Вып. 1 (1). С. 142–149.

12. Гранова М.А. Принципы отбора мифологических текстов – источников единиц для электронного «Словаря русской мифологической лексики Пермского края» // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019 / отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 254–271.

13. Гранова М.А. Принципы отбора лексических единиц для электронного «Словаря мифологической лексики Пермского края» // Филологические заметки. 2019. Т. 17, № 2. С. 137–145.

14. Гранова М.А. Обряды, связанные с домовым, в мифологической традиции поселка Северный Коммунар Сивинского района Пермского края // Социо- и психолингвистические исследования. 2019. Вып. 7. С. 126–132.

15. Гранова М.А. Структура словарной статьи в электронном словаре мифологической лексики Пермского края // Филология в XXI веке. 2020. № 2 (6). С. 149–160.

16. Гранова М.А. Представления о внешнем облике русалки в мифологической традиции русских Пермского края // Социо- и психолингвистические исследования. 2020. № 8. С. 161–167.

17. Гранова М.А. Мотивационный анализ названий духов-«хозяев» локусов (на материале русских говоров Пермского края) // Филологические заметки. 2020. Т. 18, № 2. С. 49–74.

18. Гранова М.А. Названия духа-«хозяина» дома, используемые в вокативной функции (по данным мифологических текстов Пермского края) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020 / отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 173–194.

19. Гранова М.А. Электронный «Словарь мифологической лексики Пермского края» как основа для лингвогеографических исследований: номинации русалки в ареальном аспекте // Филологические заметки. 2021. Т. 19, № 2. С. 148–165.

20. Гранова М.А. Номинации домового и банника в ареальном аспекте (по данным русских мифологических текстов Пермского края) // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. № 9. С. 140–150.